

А. Е. Мусин

СОБОРНЫЕ ОКРУГА ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА: ОТ САКРАЛЬНОЙ ТОПОГРАФИИ К ИЕРОТОПИИ

Термин «собор» в истории древнерусского города обладает по крайней мере тремя значениями. «Собором» именовался богослужебный округ на территории поселения, совокупность соборов составляла городскую церковную организацию. Он объединял находящиеся на его территории церкви, а в ряде случаев и монастыри, вокруг главного храма, по аналогии именовавшегося «собором». К совокупности клириков, совершавших службу на этой территории, также прилагалось именование «собор». Духовенство «собора-округа», совершавшее праздничные и воскресные богослужения в местных церквях в силу «прикомандирования», рассматривалось каноническим правом как «приписанное» к «собору-храму», в котором отправлялась ежедневная служба. Само понятие «собор» в его широком значении не исключает ассоциаций иеротопического характера, предполагающих «соборность» как форму единства и единственности и в силу этого ортодоксальности городской церковной общины, что проявляется в том числе и через сакрализацию урбанистического пространства в результате «соборного», т. е. общего богослужения.

Термин «собор» в отношении способа организации городского духовенства зафиксирован в источниках не позднее первой половины XI в. Сегодня можно считать установленным, что соборы-храмы были местом организации «вседневной службы», производства церковного суда и осуществления церковного фиска. Эта функциональность древнерусских соборов доказуема как в результате исследования современных событиям источников, так и в процессе ретроспективного исследования актов документов Судного приказа Новгородского дома Святой Софии середины — второй половины XVII в.¹ В истории соборной организации

¹ Греков Б. Д. Новгородский дом Святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). Ч. I, с. 131–132; Яновский П. Описание актов новгородского Софийского дома // ЛЗАК за 1901 г. Вып. 14. СПб., 1902.

Древней Руси можно выделить четыре этапа: XI–XIV вв. — период становления и развития, XIV–XV вв. — период оформления и расцвета, XVI в. — период кризиса и функциональной трансформации, XVI — XVII в. — период стагнации и возникновения двойственной — богослужебной и административной — структуры. Возглавляемые, по крайней мере с XVI в., поповскими старостами, они явились прообразами благочинных округов образца 1764 г. Однако вопросы, связанные с конкретными путями и хронологией образования древнерусских соборов и соотношением соборной системы с организацией социального и иеротопического пространства древнерусского города, остаются в современной исторической науке без окончательного ответа.

В раннехристианской культуре связь городского духовенства с конкретным округом обеспечивала участие горожан в общегородской стациональной литургии (литании-литии), центром организации которой был окружной храм. В свою очередь, это являлось свидетельством принадлежности локальных общин к церкви полиса, возглавляемой местным епископом². Несмотря на фундаментальную роль древнерусских соборов в организации общегородских крестных ходов в эпоху позднего средневековья³, полные аналогии этому феномену русской культуры, как по существу, так и терминологически, в средиземноморском мире неизвестны, будь то *regiones* Константинополя или *tituli* Рима, как об этом можно судить на основе анализа немногочисленных сохранившихся источников. Есть основания полагать, что на Руси соборы явились творческой рецепцией некоторых принципов организации византийского духовенства. Однако характер этой рецепции, как и конкретные социо-культурные характеристики сложившегося феномена, нуждаются в самостоятельном изучении. Это поможет выявить как определенные различия, так и общие нормы в функционировании этих институтов в христианском мире, которые не нашли адекватного выражения в византийских памятниках, но отчасти сохранились в русских источниках.

Среди древнерусских соборов наиболее известны церковные округа Великого Новгорода и Пскова, достаточно полно представленные в источниках, являющихся не только наиболее информативными, но и самыми ранними. Изучение новгородских соборов стало возможно благодаря «Семисоборной росписи».⁴ Этот памятник, обычно датирующийся

² Baldovin J. F. The urban character of Christian worship: the origins, development and meaning of stationary liturgy // Pont. Institutum Studiorum Orientalium. № 228. Roma, 1987.

³ Голубцев А. П. Чиновники Новгородского Софийского собора. М., 1898; Голубцов А. П. Соборные чиновники и особенности службы по ним. М., 1907.

⁴ Никольский А. И. Описание семи новгородских соборов по списку XVI в. Санкт-Петербургской библиотеки Св. Синода // ВИА. Вып. X. СПб., 1989, с. 76–81; Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976, с. 108–117; Анд-

концом XV — началом XVI вв., представляет списочный перечень всех городских церквей в черте Окольного города и их престолов с распределением по семи соборным округам — Софийскому, Архангельскому, Власиевскому, Четырдесятскому, Яковлевскому, Иоанновскому и Успенскому — с соответствующими соборными церквами во главе. Шесть соборов Пскова — Троицкий, Софийский, Никольский, Спасско-Дмитриевский, Покровско-Похвальский и Входа-Иерусалимский известны благодаря летописным и актовым известиям об их создании в середине XIV — второй половине XV вв.⁵

Архимандрит Макарий (Миролюбов) первый поднял вопрос о соотношении пятикончанского и семисоборного устройства Новгорода⁶. Выводы исследователя несут на себе печать «идеально-символического» подхода к истории, который предполагал, что человек средневековья, как раннего, так и позднего, руководствовался искусственным мышлением, по идеальным образцам которого и создавал социальные, топографические и архитектурные модели реальной жизни. Семь соборов Новгорода в его представлении «соответствовали числу семи вселенских соборов», что предполагало, что количество церковных округов было искусственно доведено до сакральной цифры. Локализация Архангельского собора на Торговой стороне, а не на Софийской, где он находился в действительности, порождена, по нашему мнению, теми же представлениями: в этом случае на каждой из сторон симметрично существуют по три собора, а Софийский храм занимает в этой структуре особое место. Такие представления о происхождении соборных округов сегодня уже не могут быть удовлетворительными, однако в ряде случаев продолжают удерживаться научным и обыденным сознанием⁷.

В дальнейшем исследователи обращали преимущественное внимание на социальный контекст и функции соборной организации. Е. Е. Голубинский связывал появление соборов с развитием народного

реев В. Ф. Новый список «Семисоборной росписи» Новгорода // НИС. № 3 (13). Л., 1989, с. 219–223; Мусин А. Е. Христианская община средневекового города Северной Руси XI–XV вв. по историко-археологическим материалам Новгорода и Пскова / Автореф. докт. дис. СПб., 2002, с. 22–27.

⁵ Беляев И. Д. История города Пскова и Псковской земли. М., 1867, с. 69, 80; Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М., 1985; Мусин А. Е. Христианская община средневекового города Северной Руси XI–XV вв., с. 14–16, 27–29; Круглова Т. В. Церковь и духовенство в социальной структуре псковской феодальной республики / Автореф. канд. дис. М., 1991.

⁶ Макарий (Миролюбов), архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. М., 1860, с. 31, 33, 35, 41.

⁷ Романов Г. А. Семисоборная организация крестных ходов в Москве XVI в. // Этнографическое обозрение. № 5. 1997, с. 46–60; Романов Г. А. Городские крестные ходы XIV–XVI вв. (по материалам Новгорода и Пскова) / Автореф. канд. дис. М., 1997.

благочестия, выразившемся в ежедневной литургии и умножении храмов, но не исключал и их функции судебно-административного характера⁸. В исследовании А. П. Голубцова соборы выглядели прежде всего богослужебно-административными округами⁹. Я. Н. Щапов связывал возникновение соборов с увеличением числа городских церквей¹⁰. Я. Е. Водарский обратил внимание на различное количество соборов в городах России XVII в.: в Москве существовало 4 соборные церкви, в Великом Устюге — 3, во Владимире и Торопце — 2, в прочих городах — по одной¹¹.

Представляется, что наличное состояние источников способно дать более детальную информацию о времени, обстоятельствах и причинах появления многособорной организации на Руси. Конец XIV — начало XV вв. определенно являются *terminus ante quem* для ее возникновения. Первое упоминание о 7 соборах в Новгороде относится к 1417 г., однако уже в 1386 г. в состав новгородского посольства к великому князю входило 7 белых священников¹². В Пскове первый соборный храм Св. Троицы упоминается в 1341, а образование второго и третьего отнесено к 1356 и к 1416 годам соответственно¹³.

Поскольку соборы являются каноническим новообразованием, стоит вспомнить, что именно в это время очень остро встает проблема церковного суда, особенно во взаимоотношениях новгородского архиепископа и киевского митрополита, что влечет за собой апелляцию к византийскому каноническому праву (1337, 1342, 1353, 1391–1392 гг.).¹⁴ Это привело, по крайней мере временно, к созданию в Новгороде автокефальной архиепископии Вселенского патриархата — на это указывает право ношения ставрофория, полученное местным епископом.

В связи с эволюцией внутренней структуры новгородской церкви необходимо обратить внимание на изменение летописной формулы, описывающей совокупность всей организации местного духовенства. Подчеркивая присутствие городского клира во время общественных мероприятий на протяжении первой половины XIV в., летописец постоянно употребляет словосочетание «игумены и попове» (1325, 1331, 1339, 1342, 1359, 1360 гг.).¹⁵ Последнее употребление устоявшейся идиомы —

⁸ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. М., 1997, с. 497–503, 367.

⁹ Голубцов А. П. Соборные чиновники, с. 99–104.

¹⁰ Щапов Я. Н. Государство и Церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989, с. 124–126.

¹¹ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII вв. М., 1977, с. 87–88.

¹² Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 408; ПСРЛ. Т. 5, с. 241.

¹³ Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941, с. 21, 22; Вып. 2. М., 1955, с. 36. Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955, с. 68.

¹⁴ НПЛ, с. 348, 353, 363, 364, 385–386.

¹⁵ НПЛ, с. 340, 344, 349, 355, 365, 367.

встреча новопоставленного архиепископа Алексия в 1360 г., которого «сретоша игумени и попове... посадник и тысяцкой и весь Новгород»¹⁶.

Однако уже в 1362 г. освящение владычной церкви Рождества «на сених» совершается архиепископом «с игумены и с попы и клиросом святой Софии»¹⁷. С этого момента упоминания Софийского клироса в общеновгородских мероприятиях наравне с игуменами и попами становится обязательным. Эта идиома употребляется в описании событий 1364, 1374, 1377, 1378, 1382, 1390, 1398, 1399, 1416, 1442 гг.¹⁸ До этого софийский клирос, софияне, упоминается лишь в 1156 г. при избрании епископа Аркадия и в 1194 г., при избрании архиепископа Мартирия¹⁹. Организация клирошан занимала привилегированное положение по отношению к рядовому духовенству и осуществляла богослужебно-административную и судебную деятельность на территории епархии. Совершенно очевидно, что софийский клирос существовал задолго до 1362 г. Однако в то время его функции были ограничены рамками кафедрального собора и владычного двора. Постоянное упоминание клироса в летописных текстах наряду с прочим духовенством, начиная со второй половины XIV в., свидетельствует, на наш взгляд, о трансформации функций клира главного городского собора.

Это как раз и может свидетельствовать о создании между 1360 и 1362 гг. семисоборного устройства в Новгороде. Эволюция роли Софийского клироса как духовенства главного собора раскрывается в событиях 1442 г., когда архиепископ Евфимий освящает Спасо-Преображенский храм в Русе, взяв с собой «сбор Святыя Софии». Тождество Софийского клироса и Софийского соборного духовенства очевидно. По моему мнению, семисоборная организация в Новгороде возникает одновременно в результате реформы архиепископа Алексия непосредственно после его восшествия на кафедру в 1360–1361 гг. Предположительно шесть новых новгородских соборов выделяются как самостоятельные единицы из ранее существовавшего Софийского собора с сохранением за кафедральным клиросом определенных привилегий в отношении канонических новообразований. Налицо определенный параллелизм в возникновении новой системы взаимоотношений как между митрополией и епархией, так и между городскими соборами, заключавшийся в расширении автономий первичных церковных структур.

Определенным указанием на середину XIV в. как время создания семисоборной системы указывают перестройки этого времени в одной

¹⁶ НПЛ, с. 367.

¹⁷ НПЛ, с. 368.

¹⁸ НПЛ, с. 368, 372, 375, 378, 384, 393, 394, 398, 406.

¹⁹ НПЛ, с. 30, 40, 216, 231.

из соборных церквей — храме Михаила-Архангела на Прусской улице, выявленные в процессе археологических раскопок и связанные с устройством такого атрибута соборной службы, как омфалий²⁰.

Появление соборной системы в Новгороде должно рассматриваться как следствие внутреннего развития городской церковной организации, вызвавшее к жизни каноническую реформу судебно-административного характера, что совпало с новым витком рецепции византийского церковного права. Вместе с тем, топографические основания соборного деления и его исторические предпосылки требуют дополнительных изысканий. Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть дальнейшую судьбу соборной системы Новгорода, которая в XVI–XVII вв. переживала организационный кризис. Первым этапом разрушения семисоборной организации было изъятие из нее Софийского соборного округа и переподчинение его в 1551 г. непосредственно архиерейской канцелярии по соборному приговору св. митрополита Макария²¹. Кризис соборного строя виден и в описи церквей 1617 г., который создан по территориальному, а не по соборному признаку²². После Смутного времени Власиевский, Архангельский и Четырехдесятский храмы Софийской стороны утрачивают соборный статус. Здесь значение соборного центра приобретает кремлевская церковь Похвалы Божией Матери. Однако на Торговой стороне, словно замещающая структурный hiatus, появляются два новых собора — Знаменская церковь и Никольский храм на Дворище. Однако функции этих новообразований исключительно литургические, но не административные. Из старых соборов прежний статус сохраняют лишь Предтеченский и Успенский на Торговой, и Яковлевский на Софийской стороне, которые распространяют свою юрисдикцию на все остальные церкви города, за исключением новообразованных «литургических соборов». Новая семисоборная структура будет намечена Приходно-расходным списком Дворцового ведомства 1620–1621 гг. и окончательно зафиксирована Софийским соборным чиновником 1630-х гг.²³

Совершенно очевидно, что в связи с социально-политическими изменениями городской жизни часть соборов утрачивают свои первона-

²⁰ Булкин В. А. Церковь Михаила Архангела на Прусской улице в Новгороде и Новгородское зодчество начала XIII века // Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997, с. 377–392; Голубцов А. П. Соборные чиновники, с. 72–79, 231–323, 239–250.

²¹ ААЭ. Т. 1. СПб., 1841. № 229, с. 221.

²² Опись Новгорода 1617 года // Памятники отечественной истории. Вып. 3. Ч. 2. М., 1984, с. 240–301.

²³ Опись Новгорода 1617 года, с. 240–301; Голубцев А. П. Чиновники Новгородского Софийского собора. М., 1898.

чальные функции. Однако религиозно-общественное сознание эпохи требует искусственного увеличения числа городских соборов до семичленной структуры в соответствии с предшествующей традицией соборного деления города. Известно, что именно к этому времени представления о сакральном значении числа «7» как выражения полноты Вселенских соборов, аллегии столпов Премудрости (Прем. 9:1), даров Святого Духа и завершенности церковных таинств облекаются в отрефлексированную книжную форму. Считаем возможным говорить о сложении к этому времени новых форм «богословия города». Естественно, что этот феномен основывается на ранее сформировавшихся представлениях о полисе как о преображенном литургическом пространстве. Но теперь его теологемы стремятся заполнить исчезнувшие «священные места» новыми топосами. Однако, сохраняя семичленную форму, три новых собора совершенно не причастны к практической функциональности своих предшественников. Тем самым новое образование начала XVII в. целиком соответствует принципам «иеротопического творчества», подчиняясь задачам реконструкции городского пространства в исключительно сакральной парадигме, которая оказывается в эту эпоху сущностным формообразующим признаком.

Отсюда следует ряд принципиальных выводов. В эпоху образования семисоборной организации Новгорода в середине XIV в. количество соборов должно было соответствовать не столько умозрительным построениям, которые формируются позднее, уже непосредственно в процессе функционирования многособорной организации, сколько проистекать из особенностей социальной топографии. Очевидно, что границы семи новгородских соборов проходили по соответствующим рубежам пяти концов средневекового Новгорода, как это и предусмотрено церковным правом: 17-е правило 4-го Вселенского собора (451 г.), подтвержденное 38-м правилом 5–6-го Вселенского собора (692 г.), устанавливает, что «распределение церковных пределов да последует гражданскому и земскому порядку»²⁴. При этом четкое соответствие между количеством гражданских и церковных образований не было обязательным. Юрисдикция Софийского собора с его особым статусом архиерейского кафедрала охватывала владычную половину Кремля, не входившую в кончанскую организацию. Власиевский собор располагался в границах Людина конца, Архангельский соответствовал Загородскому, Четырдесятский и Яковлевский умещались в Неревском конце, Успенский собор руководил церковной жизнью Славенского, а Предтеченский управлял храмами Плотницкого конца (рис. 1) Известно, что Неревский конец упоминается в

²⁴ *Никодим (Милош)*, епископ. Правила Православной Церкви с толкованиями. Т. 1. СПб., 1911, с. 372–375, 521–522.

1172 г., Людин конец — в 1195 г., Славенский конец — в 1231 г., хотя топоним Славно существует много раньше, Плотницкий конец — в 1367 г. (топоним известен с 1196 г.), Загородский конец — в 1433 г. (возможно — в 1372 г., топоним — с 1218 г.). Следовательно, пятикончанская структура в своем окончательном виде фиксируется источниками как раз ко времени образования многособорной системы. Представляется, однако, что можно проследить ее истоки уже в предшествующий период новгородской истории и связать ее особенности с эпохой становления города и ее социально-политическом контекстом.

Скорее всего, Новгород возникает в результате синойкизма боярских патронимий, представленных на территории будущего города несколькими поселками хуторского типа, которые явились ядрами концов²⁵. При этом процесс эволюции городских концов из ранних поселков X–XI вв. зафиксирован археологически лишь для Неревского, Людина и Славенского концов, в остальных районах города появление поселенческой структуры относится к концу XI в. и очевидно происходит в результате постепенного освоения территории будущего города сотенным населением, находящимся в княжеской юрисдикции. Сотни возникали на необояренных местах и выполняли роль своеобразной «соединительной ткани», заполнявшей пространство между боярскими гнездами. Взаимоотношения сотенной и кончанской систем в Новгороде традиционно рассматривается как высвобождение сотен из-под юрисдикции князя и подчинение их боярской аристократии через включение в систему концов, так называемое «обояривание». Ко времени не позднее первой половины XIV в. должность тысяцких, а позднее и сотских замещается представителями новгородского боярства²⁶. Это привело к формированию однородной в правовом отношении городской общины, что нашло свое выражение в завершенности кончанского устройства.

Однако такая социально-правовая однородность сказывается и в развитии церковной организации города. В эпоху христианизации способы первичной организации Церкви на Руси представляли собой не приход как таковой, впервые упомянутый в письменных памятниках лишь в 1485 г.²⁷, и не «предел — переезд — уезд» Устава князя Ярослава

²⁵ Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. № 1 (11). Л., 1982, с. 88–91; Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1998, с. 199–202; Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы Новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 45.

²⁶ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003, с. 493.

²⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. 3, с. 369; Баловнев Д. А. Низший церковный округ в терминологии XIV–XV вв. // Церковь в истории России. М., 1998. Вып. 2; Балов-

о митрополичьих судах XII–XIV вв.²⁸, являющийся проекцией византийского территориального деления на Руси. Основной формой церковной жизни в древнерусский период были существующие подразделения социально-политической организации общества, представленные княжеским двором, городской сотней или боярской патронимией. Их население объединялось в церковном отношении вокруг входившего в эту социальную группу священника и сопоставимо с «покаяльной семьей» источников XII–XV вв., по большому счету не зависящей от территориальных границ²⁹.

Данные исторической топографии и археологии подтверждают такое развитие городских христианских структур. Соборные храмы (Михаило-Архангельский на Прусской улице (1092 г. — ?, 1175 г.), Власиевский (1050–1109 гг., 1186 г.), 40 мучеников (1116 г., 1199 г.), Яковлевский (после 1069 г., до 1135 г., 1172 г.), Иоанн Предтеча на Опоках (1130 г.), Успение на Торгу (1135 г.) являются одними из древнейших в Новгороде. Они изначально располагаются на окраинах протогородских боярских поселков или княжеских городских владений. Первые церкви при патронимиях (храм свщмч. Власия, связанный с династией Мирошкиничей из Людиного конца, Михаила-Архангела, вокруг которого группировалось прусское боярство Загородья, и св. ап. Иакова — оплот Неревского боярства) и княжеско-купеческие храмы Торговой стороны, объединявшие сотенное население, послужили основой соборного строя. Последующее подчинение сотен кончанской администрации в церковном отношении приводит к переходу ктиторских прав на «сотенные» храмы в руки боярских родов. Характерный пример: храм Сорока мучеников в пограничье Неревского и Загородского концов в 1116–1227 гг. был связан с тысяцким и, соответственно, с сотенным населением³⁰. Однако к началу XIV в. ктиторские права на эту церковь переходят к роду Оницифоровичей, о чем свидетельствует погребение в церковных стенах Юрия Мишинича и Варфоломея Юрьевича в 1316 и 1342 гг.³¹ Этот факт способен объяснить «двойное» соборное представительство в Неревском конце, когда традиционный боярский храм Св. Иакова был вынужден в 1361 г. поделиться своей церковной властью с духовным центром новой новгородской аристократии. Таким образом, процесс формирования городского простран-

нев Д. А. Церковные приходы и приходское духовенство в XIV–XV вв. на Руси / Автореф. канд. дис. М., 1998.

²⁸ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976, с. 89, 98, 106; Памятники древнерусского канонического права. Ч. I. Памятники XI–XV вв. СПб., 1908. Ст. 108.

²⁹ Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М., 1913, с. 45, 176–177.

³⁰ НПЛ, с. 44, 65, 238, 270.

³¹ НПЛ, с. 355.

ства, однородного в социально-правовом и церковно-каноническом отношениях, завершился к середине XIV в. созданием семисоборной организации Новгорода в границах пяти городских концов.

Такой взгляд на образование и содержание многособорной системы в Древней Руси как социальной в своих истоках находит подтверждение в истории соборной организации Пскова. Однако ее изучение имеет важное источниковедческое преимущество. Территориальный рост Новгорода был ограничен природно-ландшафтными условиями и задан изначальными принципами его социальной организации — город практически не развивался вширь, а лишь интенсифицировал свое внутреннее развитие. Соборная структура Пскова, будучи функцией расширения городской территории, формировалась по мере роста городской общины и включения в ее орбиту новых пригородных районов. Этот процесс с точными указаниями дат основания очередного собора нашел отражение на страницах псковских летописей, словно компенсируя будущим исследователям дефицит источников. Известно, что осенью 1485 г. новопоставленный архиепископ Великого Новгорода и Пскова Геннадий (Гонзов) прислал во Псков боярина Безсона и игумена Евфимия с распоряжением «описать по всей земли псковской церкви и монастыри и колико престолов и попов всех в число написать»³². Псковичам эта архиерейская затея пришлась не по нраву, и они «невдашась в волю его», что и обусловило отсутствие в истории «шести-соборной псковской росписи».

Однако изучение соборного деления Пскова затруднено не только отсутствием информации о локализации границ церковных округов, но и отягощено историографическим наследием, рассматривающим псковские соборы в отрыве от норм средневекового церковного права, т. е. как профессиональные объединения духовенства без соответствующей канонической территории. Уже И. Д. Беляев считал соборы во Пскове самоуправляемыми «пресвитерианскими обществами»³³. Сегодня П. С. Стефанович полагает, что соборы в Пскове были органом сословного самоуправления, тогда как подобные организации в России носили богослужебный характер³⁴. Если М. Х. Алешковский изначально рассматривал вопрос о соборах в связи с делением города на шесть боярских концов³⁵, то впоследствии он также утверждал, что они формировались по

³² П2Л, с. 68.

³³ Беляев И. Д. История города Пскова и Псковской земли. М., 1867, с. 69, 80.

³⁴ Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII вв. М., 2002, с. 214–216.

³⁵ Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Пскова X–XVI веков (в связи с проблемой археологического исследования древнерусского города) //

профессиональному признаку. И. К. Лабутина и Т. В. Круглова рассматривают соборы как способ организации местного духовенства без какой либо определенной связи с социальной и территориальной структурой псковской Церкви³⁶. По их мнению, упоминаемое в источниках «невкупное духовенство», еще не объединенное в соборы, самостоятельно объединялось в эти системы. Целью создания соборов была организация ежедневной службы, доходы от которой распределялись между его членами, становясь своеобразной формой взаимопомощи.

Представляется, что данные о соборной организации Пскова должны быть проанализированы в контексте норм канонического права, о которых речь шла выше, при условии привлечения данных о топографии Пскова. Известно, что в городе было шесть концов. И. К. Лабутина полагает, что к 1467–1468 гг. кончанскую организацию города составляли следующие округа, впервые упомянутые в середине — второй половине XV в., но сложившиеся, судя по данным археологии, значительно ранее: Боловинский-Петровский в восточной части Застенья и Среднего города вплоть до стены 1465 г., Остролавицкий в их средней части, Городецкий в Застенье, Опоцкий в Среднем городе, Богоявленский и Козмодемьянский на Запсковье. Однако оснований для выделения района, прилегающего к Козмодемьянской церкви на Запсковье, в самостоятельный конец явно недостаточно. Очевидно, что этот район средневекового города входил в границы Богоявленского конца, а шестым городским районом в действительности был Полонищский конец, упомянутый в Платежной книге 1585–1587 гг.³⁷ Он располагался в центральной и западной части городского пространства между стенами 1375 и 1465 гг. и р. Великой.

В соответствии с этими шестью городскими районами мы и предлагаем рассматривать соборную систему средневекового Пскова XV в. (рис. 2). Границы соборных округов должны быть соотнесены каким-либо образом с территориями городских концов. При этом допускается, что несколько концов могли объединяться в один соборный округ, точно так же, как на территории одного конца могло существовать несколько округов, как это имело место в Новгороде. «Невкупные попы», инициаторы образования новых соборов, скорее всего, не столько являлись бесприходным духовенством, сколько составляли клир тех храмов, которые возникли в период после образования предыдущего собо-

СА. 1978. № 2, с. 121; См.: *Лабутина И. К.* К топографии городских концов Пскова в XV в. // *Новое в археологии*. М., 1972.

³⁶ *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова в XIV–XV вв., с. 229, *Круглова Т. В.* Церковь и духовенство в социальной структуре псковской феодальной республики, с. 15–17.

³⁷ Псков и его пригороды // *Сборник МАМЮ*. Т. 5, 6. М., 1913–1914.

ра. Поскольку каждый раз центром новой соборной организации становился один из храмов Довмونتова города, а новые храмы возникали в разных частях Пскова, стоит предположить, что в процессе появления новых соборов старые округа подвергались дроблению. Они были «вынуждены» передавать часть своих церквей новому округу, по аналогии с тем, как из состава Софийского собора Новгорода было выделено шесть новых соборов.

Попытаемся реконструировать соборно-территориальную организацию города. Первый соборный храм — Троицкий — упоминается в 1341 г. В XIII — первой половине XIV в. в Пскове на посаде уже существовало не менее 17 церквей, которые входили в общегородской округ. В 1356 г. основывается второй собор при храме вмч. Софии. В период 1341–1356 гг. нам практически неизвестны факты основания новых храмов в Пскове. Однако буквально накануне реформы в 1351/1352 г. псковское купечество перестраивает этот храм, а под 1415/1416 г. сообщается, что новую Софийскую церковь «начаша делати за Довмонтовой стеной»³⁸. Это может убедить нас в том, что старая София стояла, скорее всего, на Торгу, где и подобает находиться купеческому храму. Лишь в процессе консолидации псковской общины, когда Довмонтов город определенно выдвигается на роль общегородского церковного центра, соборный храм сотенного населения переносится в его пределы. Характерно, что второй собор основывают не «невкупные попы», а местное духовенство, что свидетельствует о появлении нового собора как следствия внутреннего развития самой общины. Предположительно Троицкий собор охватывал храмы Крома и Довмونتова города, а Софийский соборный округ — церкви Среднего города в пределах стен 1309 и 1375 гг., обнимая Боловинского, Остролавицкий, Гордецкий и Опоцкий концы.

В период 1356–1416 гг. появляется не менее одиннадцати новых храмов, что, скорее всего, и приводит к появлению третьего собора — Никольского на Гребле,³⁹ юрисдикцию которого мы связываем с Боловинско-Петровским концом. Храмы Никольского собора предположительно были выделены из Софийского округа. Вероятно, сначала в Никольский собор входили храмы Рождества Христова, Покрова Богородицы и Сошествия Святого Духа в Довмантовой стене в силу их связи с посадником Захарией Костроминичем, видимо, представлявшим именно этот конец, что явствует из строительной активности этого политического деятеля. В 1395 и в 1398 гг. Захария Костроминич строит каменные церкви свт. Николая и св. Архангела Михаила в женском монастыре в Поле в Петровском конце. Одновременно воз-

³⁸ П1Л, с. 22, 33, 34; П2Л, с. 27, 36; ПЗЛ, с. 102, 120.

³⁹ П2Л, с. 36.

водятся и каменные церкви Покрова Божией Матери и Рождества Христова в Довмонтовом городе, в последней посадник и был похоронен в 1401 г.⁴⁰

С 1416 по 1453 г. появилось не менее семи храмов, что привело к необходимости создания четвертого собора с главными храмами Спаса на Торгу и вмч. Димитрия в Довмантовой стене⁴¹. Мы предполагаем, что этот соборный округ, также выделенный из Софийского собора, в 1453–1462 гг. обнимал собой церкви Гордецкого и Остролавицкого концов. Полагаем также, что в этот собор должен был войти и Воскресенский храм Довмонтова города, поскольку в 1465 г. его старостой являлся посадник Тимофей Власьевич, связываемый либо с Городецким, либо с Остролавицким концом. Храмы Опоцкого и Полонищского концов по логике вещей должны были входить в Софийский соборный округ, а церкви Запсковья и Завеличья — в Троицкий. Последнее тем более вероятно, что клир Троицкого собора во второй половине XVI в., согласно Писцовой книге 1585 г., достаточно компактно проживал именно в Запсковье.

Пятый собор появляется в 1462 г. «у трех церквей» — Похвалы Богородицы на Полонище и Покрова Богородицы и Сошествия св. Духа в Довмантовом городе⁴². Известно, что этому времени возникает не менее трех новых храмов, но, как свидетельствуют данные археологии, происходит активное освоение Полонища, что и приводит к образованию в этом псковском конце нового собора. Он мог быть выделен из Софийского округа, в котором остались лишь церкви Опоцкого конца, остальные округа были, очевидно, оставлены без изменений.

В период 1460-х — 1470х гг. в Пскове известно лишь о немногочисленных фактах церковного строительства на Запсковье. Это говорит о приоритетном развитии именно этой части города. Рискнем предположить, что созданный в 1471 г. соборный округ со вседневной службой при храме Входа Господня в Иерусалим⁴³, мог предназначаться для Запсковья и для Завеличья. Представляется, что нам удалось показать возможность существования во Пскове территориальных соборных округов, которые были известны и в других городах Древней Руси (рис. 3). Бóльшая мобильность соборных границ по сравнению с Новгородом объясняется, на наш взгляд, особенностями социально-политической организации города с преобладанием в нем сотенного

⁴⁰ П1Л, с. 25, 26; П2Л, с. 30, 31; ПЗЛ, с. 108, 110; *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова в XIV–XV вв., с. 173, 231, примечание 76; П2Л, с. 31.

⁴¹ П1Л, с. 51; П2Л, с. 48; ПЗЛ, с. 140.

⁴² П2Л, с. 55; ПЗЛ, с. 186.

⁴³ П2Л, с. 55; Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Ст. 731–734.

населения и отсутствием родовых боярских традиций, которые складываются не ранее XIV в. как результат социального расслоения псковского общества и превращения государственных должностей в объект наследования «княжых мужей». Мы полностью отдаем себе отчет в высокой степени гипотетичности предлагаемой реконструкции кончанских границ псковских соборов, однако сам факт их территориальной приуроченности не может подлежать сомнению. В целом отнесение храмов того или иного конца к соответствующему собору нуждается в дополнительных обоснованиях. Косвенным подтверждением этому служат, на наш взгляд, упоминания в писцовых книгах совместной собственности соседних храмов на землю и средства производства, в частности на водяные мельницы по реке Пскове⁴⁴. Стоит отметить, что совпадение 6-кончанского деления Пскова с его 6-соборным устройством носило случайный характер, хотя границы соборных округов должны были соответствовать административному членению города.

Определенно во Пскове, как и в других городах, существовала связь между городскими соборами и сельскими церквями. С трансформацией этих церковно-административных отношений и связана, на наш взгляд, эволюция соборной системы Пскова от социально-топографической к иеротопической. В 1544 г., во время визита архиепископа Новгородского Феодосия во Псков, «попы сельские и пригородские отколишася от городских попов всех 6 соборов»⁴⁵. Это решение было одобрено архиереем, который дал им особого поповского старосту, тем самым создав седьмой псковский собор из пригородов и сельских территорий. Разрыв традиционных канонических отношений между городской и сельской церковными организациями находит своеобразное восполнение в создании искусственной структуры, связанной с сакральным значением числа «семь». Эта «иеротопическая» по своей сути реформа практически совпадает во времени с созданием литургической семисоборной структуры в Москве (1551 г.) и на полстолетия опережает появление новой системы семи новгородских соборов (1620–1630 гг.). Кризис функциональности во Пскове, как и повсюду, сопровождается расцветом символичности.

Только в свете предлагаемых выводов может быть понята запутанная история соборов Москвы, известия о которых восходят лишь к середине XVI в. Новая соборная организация, приуроченная к недавно построенным каменным храмам, отвечающим вкусам эпохи, вошла в противоречие с уже, очевидно, существовавшей системой «сороков», историческое происхождение которых не ясно, но предположительно связано с наличием внутригородских административных и судебных

⁴⁴ Сборник МАМЮ. Т. 5, с. 6, 7, 140, 162, 169, 171, 180, 183, 186, 190.

⁴⁵ ПЛД, с. 111.

единиц⁴⁶. Впрочем, в XVII–XVIII вв. понятия собора и сорока находят свое взаимное отождествление, по крайней мере, в том, что касается территории округа и совокупности окружных священников⁴⁷. Предположительно это происходит за счет утраты сороками своих изначальных юридических функций.

Приговор Стоглавого собора 1551 г. связывает назначение семи поповских старост «царствующего града» как с фиксацией их обязанностей дисциплинарного характера, так и с организацией соответствующего количества соборных округов с богослужебными функциями, в число которых входит, прежде всего, пресловутое «хождение со кресты»⁴⁸. «Копийность» семисоборной Москвы по новгородскому образцу несомненна. Организация искусственно-символического количества соборных округов, как и повсеместная практика общегородских литаний⁴⁹, есть одно из новшеств св. митрополита Макария, привнесенных им с занимаемой в течение 15 лет новгородской кафедры, как, впрочем, и неслыханная здесь доселе иконографическая программа, вызвавшая искреннее недоумение диака Ивана Висковатого⁵⁰.

Однако новое, в полном смысле иеортопическое устройство города (Всехсвятский собор в Черторье, Борисоглебский на Арbate, Никитский на Никитиной улице, Введенский в Псковичах, Покровский на Площадке, Ивановский за Болотом, Варварский в Новом и Старом городе)⁵¹ отличалась от его традиционно сложившихся церковно-административных связей⁵². Поповские старосты избирались из числа духовенства, служащего в иных, нежели соборных, храмах, что приводило к перераспределению функций — это видно из записи об их избрании 17 февраля 1551 г. и ряда последующих актов: Всехсвятский староста был из Алексеевского монастыря, Борисоглебский — из Иоанно-Предтеченской церкви, Никитским старостой стал священник Дмитриевской церкви с Воздвиженки, Введенским — представитель храма архангела

⁴⁶ Аверьянов А. К. Московские сорок сороков // Проблемы отечественной истории. Период феодализма. М., 1991, с. 19–21.

⁴⁷ Малиновский А. Ф. Обзорение Москвы. М., 1992, с. 30; Голубцов А. П. Чиновник Нижегородского Преображенского собора. М., 1905, с. 28, 31, 41, 59, 62, 301.

⁴⁸ Стоглав / Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863, с. 60, 116.

⁴⁹ Баталов А. Л. Московское каменное зодчество конца XVI века. Проблемы художественного мышления эпохи. М., 1996, с. 287.

⁵⁰ Розыск или список о богохульных строках и о сомнениях святых честных икон диака Ивана Михайлова сына Висковатого / Предисловие О. Бодянского // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1858. Кн. 2. Отд. 3, с. 1–42.

⁵¹ Акты археографической экспедиции. Т. 1. СПб., 1836. № 232, с. 227–229.

⁵² Главной задачей соборной организации «ставилось создать в городе как бы неподвижные, постоянные точки духовного, церковного тяготения... никак не зависящие от частой смены поповских старост и десятских». См.: Беляев Л. А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994, с. 249.

Гавриила, Покровским старостой — священник Предтеченской церкви из Котельников, Предтеченским — Архангельский поп из Руновки, а Варварским — клирик храма во имя Зачатия святых Богоотец. В Новгороде, насколько можно судить по источникам, обязанности соборных настоятелей и поповских старост в ранний период совпадали, что, впрочем, не исключает возможности автоматического назначения новоизбранного поповского старосты настоятелем соборного храма. К тому же уже в 1594 г. количество старост было доведено до восьми человек⁵³, а соборы на протяжении XVII в. не только сократились количественно, но и поменяли свое посвящение и локализацию. Так, вместо Всехсвятского возникает Пречистенский, вместо Введенского — Сретенский, а на месте Покровского — Предтеченский.

В плане оценки истоков и содержания иеротопического сознания Москвы изучаемого времени весьма значимо наблюдение Л. А. Беляева о строительстве в 1561 г. в Даниловом монастыре каменного храма с посвящением святым отцам семи Вселенских соборов, который лишь «выявляет некий общий идеологический фон» эпохи, но так и остается «семисоборным» «только по замыслу и названию», но не богослужебно⁵⁴. Стоит отметить не только тот факт, что к концу XVI в. административным центром соборной организации стал Покровский собор на Площадке, где была создана специальная поповская изба для старост и десятских, но и то, что собор Данилова монастыря вообще не входил в семисоборную организацию города. Этот феномен, на наш взгляд, в принципе разводит в идеологическом пространстве идею семи Соборов Вселенских и концепцию семи городских соборов и подчеркивает их независимое сосуществование в менталитете эпохи.

Таким образом, иеротопические конструкции соборного деления русского города позднего средневековья, связанные с новым уровнем сакрального восприятия урбанистической среды, определенно фиксируются письменными источниками не ранее XVI–XVII вв. Однако именно к этому времени относится иной тип исторических источников, способный подтвердить мои наблюдения. Ярким проявлением «иеротопизации» сознания является изображение городских реалий на иконах середины XVI–XVII вв., включавшее физический город в метафизическое, иконическое пространство. Представляется, что подобные иконы как оригинальное воплощение идеи сакрализации городской среды бытуют весьма ограниченное время. Более поздние реплики в силу размытости в изображении городских реалий не могут быть поставлены в один ряд с этим феноменом. Если знаменитый образ «Битва новгородцев с суздаль-

⁵³ Акты археографической экспедиции. Т. 1. СПб., 1836. № 360, с. 439–442.

⁵⁴ Беляев Л. А. Древние монастыри Москвы по данным археологии, с. 125, 126.

цами (Знамение)» (конец XV в., НГОМЗ) еще достаточно слабо отражает городские реалии, представляя символически-абстрактный город, то серия икон «Видение пономаря Тарасия» (конец XVI — начало XVII в., рис. 4) как в ранних, так и поздних списках является отличным «путеводителем» по средневековому городу⁵⁵. В свою очередь он предвосхищает появление изображений города и Кремля на серии икон Знаменского культа начала XVIII вв. — ныне утраченном кивоте собственно Знаменской иконы, литографической копии иконы из церкви свв. Флора и Лавра, а также Михайловской (НГОМЗ, № 4171) и Николо-Дворищенской икон (НГОМЗ, № 10916)⁵⁶.

Подобное явление происходит во Пскове. Здесь городская топография отражена в иконах «Видение старцу Дорофею» и «Богородица Псково-Покровская» (конец XVI — начало XVII вв.)⁵⁷. Ее событийными и литературными истоками является осада Пскова 1583 г. и «Повесть о приходе Стефана Батория на Псковскую землю». Икона представлена двумя изводами. Первый известен по двум образцам: I. 1. Икона из церкви Покрова Божией Матери от Пролома, похищенная во время Второй мировой войны, находилась в частном собрании в ФРГ и недавно возвращена в Псков. Она известна также в фотографиях Кампарда (конец XIX в., рис. 5) и К. Романова (1917 г., фотоархив ИИМК РАН Q-721/4 П-68077); I. 2. Образ Богородицы Псково-Покровской из церкви Богоявления с Запсковья, ныне утраченный, список с которого хранился в Успенском соборе Московского Кремля. В настоящее время икона известна по фотографии К. Романов (1923–1925 гг., рис. 6). Второй извод дошел до нас в трех иконах: II. 1. Икона из Псково-Печерского монастыря, известная по фотографиям К. Романова (1923–1925 гг., фотоархив ИИМК РАН Q-1697/8, П-48942)⁵⁸; II. 2. Икона из «лавки Жиглевича»,

⁵⁵ Гусев П. Л. Новгород XVI века по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия» // ВИА. 1900. Т. XIII; Гордиенко Э. А. Изображения Новгорода на иконах XVI–XVII веков и связь их с общественно-политической ситуацией своего времени // НИС. 1989. № 3 (13).

⁵⁶ Гусев П. Новгородский детинец по изображению на иконе Михайловской церкви // Вестник археологии и истории. СПб., 1913. Вып. 23; Янин В. Л. Планы Новгорода Великого XVII–XVIII веков. М., 1999, с. 40–48, рис. 9–11, 14, 15, 15а, 17.

⁵⁷ Ткачева Н. М. Псковские иконы конца XVI — начала XIX вв. на сюжет сказания о видении старца Дорофея // Белецкий В. С. Псковский Кремль в планах и изображениях XVII–XIX вв. (Белецкий В. Д., Белецкий С. В. Городское ядро средневекового Пскова. Ч. 2. Вып. 1.). СПб., 1997, с. 36–47. В публикации перепутаны и искажены номера альбомов и негативов фотоархива ИИМК РАН. Святая Русь. Приложение к каталогу выставки в Нойсе (Германия) 17 апреля — 29 мая 1994 г. Псков, 1994. Илл. 5–9, с. 44–46.

⁵⁸ Автор выражает глубокую признательность коллегам из фотоархива ИИМК РАН — Г. В. Длужневской, Т. С. Ершовой, Н. А. Лазаревской, М. В. Медведевой за их помощь в работе с материалами архива.

являющаяся копией третьей четверти XVIII в. с иконы XVI ст. (ПГОИ-ХАМЗ, рис. 7)⁵⁹; П. 3. Икона «Сретение Богородицы 1784 г. из часовни Владычного креста», которая находится ныне в собрании Псковского музея (рис. 8).

Исследователи отмечают для псковских икон искусственное выделение Покровского монастыря в иконографической композиции и некоторую условность топографии первого извода. Однако в любом случае в русле иконографической традиции на данных иконах фиксируется новая информация, связанная с особым восприятием урбанистического пространства в контексте иеротопической парадигмы. Феномен иконизации городской среды известен не только в городах с развитой соборной организацией. Так, к Тверской школе принадлежит икона «Свв. князя Михаил Ярославич и Ксения Тверские» из ризницы Спасо-Преображенского собора в Твери, которая является вкладом 1702 г. архиепископа Сергия (1682–1702) (конец XVII в. МиАР (№ ВП 526). Икона выполнена в стилистике традиционного ктиторовского портрета, однако ей сопутствуют важные топографические реалии. К Твери же относится и икона «Свв. епископ Арсения и князь Михаил Ярославич», характеризующаяся теми же особенностями (поступила в Тверской музей от коллекционера П. И. Щукина в 1893 г., рис. 9)⁶⁰. Исследователи полагают, что икона является своеобразной репликой образа Симона Ушакова 1668 г. «Древо Московского государства. Похвала Богоматери Владимирской». Московское влияние, если не конкретное исполнение в московских мастерских, прослеживается, по мнению исследователей, и в муромской иконе «Свв. Петр и Феврония в житии» конца XVI — начала XVII вв. из Рождественского собора в г. Муроме (рис. 10)⁶¹. Известно также, что серия икон с образами митрополитов Петра и Алексия, стоящими на фоне Московского Кремля, создана в Оружейной палате в 1680–1690 гг. Таким образом, этот процесс был общерусским явлением, своеобразным следствием аккультурации эпохи XVI–XVIII вв., охватившим основные центры российской культуры этого времени: Москву, Новгород, Псков, Тверь, Муром. Этот феномен еще подлежит детальному изучению, и стоит рассчитывать на пополнение коллекции иконических

⁵⁹ Ямицков С. В. Псков. Памятники архитектуры и искусства XII–XVII веков. Л., 1978, с. 10, ил. 11.

⁶⁰ Попов Г. В. Тверская икона XII–XVII веков. СПб., 1993. № 180, 183, с. 275–276; Антонова В. И., Мнева Н. И. Третьяковская галерея: Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. М. 1963. Т. 2, с. 384. илл. 142, 143, 181.

⁶¹ Тысячелетие русской художественной культуры. М., 1988, с. 80, 344–345, № 102; с. 145, 363, № 178.

образов, изображающих реальное пространство русского города в его метафизическом измерении.

В заключение считаем возможным вернуться к намеченной в начале проблеме соотношения византийской традиции и древнерусских особенностей в феномене городских соборов эпохе Средневековья. А. П. Голубцов возводил городские соборы на Руси непосредственно к влиянию Устава Великой Церкви в Константинополе, подразделенном на 14 церковных округов-«околоточков»⁶². Однако вопрос о соотношении церковной жизни Нового Рима с 14 *regiones*, подражавшими Риму, оказывается весьма проблемным. Р. Жанэн, посвятивший значительную часть своих трудов топографии Константинополя, никогда не пытался связать церковную жизнь с административным районированием Константина⁶³. В дальнейшем ни К. Манго, ни П. Магдалино практически никак не используют информацию о регионах для изучения развития церковной структуры Константинополя⁶⁴.

Единственный памятник, упоминающий регионы, — это *Notitia Urbis Constantinopolitanae* (425–450 гг.)⁶⁵. Несмотря на то, что текст утверждает, что на 14 регионов приходится 14 церквей, в реальности он упоминает лишь 12, причем их распределение в городе весьма неравномерно. Если в I, III, V, VI, VIII, XII регионах храмы не упомянуты вовсе, то на II приходится сразу 2 (*ecclesiam magnam* и *ecclesiam antiquam*), на VII — 3 (*ecclesiam siue martyrium tres hoc est Irenen, Anastasiam, et sancti Pauli*), а на IX опять 2 (*ecclesias duas, Caenopolim et Homonoeam*). В остальных регионах указано по одной церкви (IV — *ecclesiam siue martyrium sancti Menae*, XI — *ecclesiam siue martyrium sancti Acacii*, XII — *Martirium Apostolorum*), причем в XIII и XIV они анонимны. Складывается впечатление, что автор текста задался целью связать искусственную структуру города с естественно образовавшейся тканью городских церквей. Невозможно также найти никаких следов соответствия между новеллой императора Ираклия 612 г., устанавливающей предельное число клириков для Софии (600 клириков, в

⁶² Голубцов А. П. Соборные чиновники и особенности службы по ним. М., 1907, с. 99–104.

⁶³ Janin R. Constantinople byzantine: développement urbain et répertoire topographique. Paris, 1964, с. 43–58; *Idem*. Géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. Le siège de Constantinople et le patriarcat Oecuménique. Les églises et les monastères. Paris, 1969, p. XII.

⁶⁴ Mango C. The Development of Constantinople as an Urban Centre // Studies on Constantinople. Aldershot: Variorum, 1993, I. 118–125; Magdalino P. Medieval Constantinople: built environment and urban development // The economic history of Byzantium: from the seventh through the fifteenth century / Ed. A. E. Laiou, C. Bouras, C. Morrisson, N. Oikonomides, C. Pitsakis. Washington D.C., 2002. Vol. II, p. 529–537.

⁶⁵ *Notitia dignitatum. Accedunt Notitia Urbis Constantinopolitanae et Latercula provinciarum* / Ed. Otto Seeck. Frankfurt am Main, 1962, p. 229–243.

том числе 80 священников, 150 диаконов, 40 диаконис и 70 иподиаконов) и Влахернского храма (72 клирика, в том числе 12 священников, 18 диаконов, 6 диаконис и 8 иподиаконов) со столичными регионами⁶⁶. В последнем случае номенклатура имеет очевидные евангельские коннотации, связанные с императорским статусом храма. Никак не проявляют себя регионы и в составленном около 990 г. памятнике «Patria de Constantinopolitana» и почти современном ей Патриаршем Типиконе, где перечисляется соответственно 137 и 248 константинопольских храмов и монастырей⁶⁷.

Изучение маршрутов императорских и церковных процессий показало, что они также не отражают значимость регионов для этого церемониала⁶⁸. Лишь упомянутая в Книге Церемоний лития на праздник Вознесения имела 14 остановок, однако это совпадение носит случайный характер. Императорские маршруты, вытянутые вдоль главной городской улицы — Мезе, были ориентированы на специально организованные пространства: форумы, колонны, прочие монументы, а не регионы и их храмы. Собственно церковные процессии локализуются преимущественно в восточной части города и носят весьма ограниченный характер⁶⁹. Тем самым, они еще менее связаны с городскими регионами.

К тому же источники свидетельствуют о нежизнеспособности самих регионов. К. Манго отмечает, что с развитием Константинополя их количество не увеличилось, а сократилось. XIII регион — Сике — еще при Юстиниане приобрел статус отдельного города, а XIV, локализация которого до сих пор не совсем ясна, исчез вовсе. В IX в. в столице империи известно лишь 12 гетонархов, представлявших свои *geitoniai*⁷⁰. Очевид-

⁶⁶ *Magdalino P.* Constantinople médiévale: études sur l'évolution des structures urbaines. Paris, 1996, p. 28–29.

⁶⁷ *Berger A.* Untersuchungen zu den Patria Konstantinopoleos. Bonn, 1988; *Magdalino P.* Constantinople médiévale, p. 19.

⁶⁸ *Berger A.* Imperial and ecclesiastical processions in Constantinople Byzantine // Constantinople: monuments, topography and everyday life / Ed. N. Necipoglu. Leiden, Boston, Köln, 2001, p. 73–87; *Guilland R.* Sur les itinéraires du Livre des Cérémonies // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft 10 (1961), p. 39–52.

⁶⁹ *Bauer F. A.* Urban space and ritual: Constantinople in Late Antiquity // Imperial art as Christian art — Christian art as imperial art: Expression and meaning in art and architecture from Constantine to Justinian / Ed. J. R. Brandt, O. Steen. Roma, 2001, p. 50–52, 58–59; *Janin R.* Les processions religieuses à Byzance // Revue des Études Byzantines. 1966. 24, p. 69–88.

⁷⁰ *Mango C.* Le Développement urbain de Constantinople, 4e–7e siècles. Paris, 1990, p. 46–47; *Mango C.* Le mystère de la XIVe région de Constantinople // Travaux et Mémoires. Paris, 2002. Vol. 14 (Mélanges Gilbert Dagron), p. 449–455; *Mango C.* The fourteenth region of Constantinople // Studien zur spätantiken und byzantinischen Kunst Friedrich Wilhelm Deichmann gewidmet. Mainz, 1986. Vol. 1, p. 1–5.

но, искусственность в образовании регионов и привела к быстрой утрате их практического значения. Само же строительство храмов, согласно наблюдениям П. Магдалино, приурочивалось к старым участкам застройки, которые можно сопоставить как с императорскими, так и с аристократическими ойкасами⁷¹, что целиком соответствует практике основания частных церквей в эпоху поздней Античности⁷². Таким образом, несмотря на свидетельства литургических источников об организации местных литаний в Константинополе, у нас нет даже гипотетической информации о соотношении созданных основателем городских округов и о церковной организации, которая имела иные истоки. Этот факт, как и деградация изначальной 14-частной структуры, должны расцениваться как отрицательная реакция городской среды на искусственное навязывание ей моделей иеротопического характера в то время, когда для этого не существовало достаточных оснований в области христианской культуры. В любом случае, противоречие между идеально заданными параметрами города и его историческим развитием приводит к тому, что эти параметры не закрепляются на уровне иеротопического сознания. Это доказывается тем, что впоследствии, после деградации изначальной структуры, они не воспроизводятся в сакральной топографии города. Сакрализации традиционно подвергаются иные реалии, сформировавшиеся на стадии исторического развития.

То же можно сказать и об эволюции в Риме титулов как центров стациональной литургии и осуществления церковного права⁷³. *Liber Pontificalis* приписывает их создание папе Эваристу (99–105 гг.), вроде бы назначившему семь диаконов в семь районов, которые были созданы св. Климентом. Однако впоследствии их число увеличивалось, будучи функцией городской демографии. К 311 году существовало лишь 11 титулов вместо 25, которые традиция усваивает папе Маркелу (308–309 гг.), римский собор 449 г. упоминает уже 29 титулов, а собор 595 г. — всего 23. В любом случае количество титулов, размещавшихся в границах 14 римских округов, превосходит их количественно и не является умозрительной производной. При этом несомненна изначальная связь наиболее архаичных титулов с патрицианскими *domus*’ами, вокруг которых формировались первые христианские общины Вечного Города.

⁷¹ *Magdalino P.* Medieval Constantinople: built environment and urban development, p. 529–537; *Idem.* Constantinople médiévale: études sur l'évolution des structures urbaines, p. 42–48.

⁷² *Thomas J. P.* Private religious foundations in the Byzantine Empire. Washington, 1987, p. 6–12.

⁷³ *Baldovin J. F.* The urban character of Christian worship, p. 112–115.

Вообще же классическое исследование городской стациональной литургии Д. Болдуина убедительно демонстрирует следующий факт. Несмотря на то, что христианское богословие рассматривало полис как преобразенное пространство, эта теологема изначально не повлияла на городскую топографию. Маршруты процессий и их остановки были обусловлены в большей степени социальным контекстом города, чем богословскими и литургическими предпосылками. Лишь впоследствии сакральная топография стала формировать социальный контекст и его восприятие⁷⁴.

Таким образом, в начальный период на Руси, как и повсюду в христианском мире, церковная организация города была следствием исторически сложившейся социальной топографии и базировалась на первоначально возникших христианских общинах, носивших частноправовой характер. Исторически границы церковных структур совпадали с существовавшим административным делением города, однако не были им строго определены. Развитие церковной структуры, переход домовых церквей в непосредственную епископскую юрисдикцию приводили к усложнению соотношения административной и сакральной топографии города. Христианская организация по своим количественным характеристикам зачастую превосходила административную, продолжая развиваться в административных границах. В случае естественного формирования городского районирования, особенно в условиях одновременного становления урбанистических и христианских структур, число церковных округов более строго соответствовало числу городских кварталов. В случае создания искусственных урбанистических образований по идеальным моделям или наложения христианской организации на уже сформировавшуюся городскую ткань приоритетное развитие церкви обычно опережало развитие полиса, что тормозило формирование искомого территориального соответствия.

Соборы-округа выполняли судебно-каноническую роль, однако их правовая деятельность не отделялась от их литургических функций, что и формировало сакральную топографию. В эпоху позднего средневековья, в условиях кризиса традиционной культуры, эсхатологических ожиданий и столкновения московской административной практики по организации приходов со сложившейся местной системой территориальных общин соборы на Руси постепенно утрачивают свои административные функции. Социально-демографические изме-

⁷⁴ Ibid., p. 250–251, 257, 259. «The greatest influence on the development of the Roman stationary scheme was the topographical and social history of the city itself rather than theological or inner-liturgical considerations» (p. 166).

нения эпохи Московского царства и Смутного времени окончательно разрушают связь между литургическим и историческим. Соборные храмы и округа приобретают преимущественно сакральные функции. Количество соборов в ряде случаев сознательно увеличивается до семи, ассоциируясь со значимыми топосами христианского мироздания и спекулятивного богословия. Москва заимствует для себя лишь форму семисоборной организации, наполняя ее умозрительным содержанием. Параллельно делаются попытки воплощения эталонных сакральных топосов в локальной среде (наиболее яркие примеры — закладка новой православной Казани в 1552 г. в соответствии с заранее созданной сакральной топографией, воплощение образа Священного Града в архитектурных замыслах царя Бориса Годунова и создание Нового Иерусалима патриархом Никоном)⁷⁵, осмысленность которых независимо фиксируется различными типами источников. Сакрализация городского пространства в это время служит культивированию образа «Святой Руси» и влияет на иконическое восприятие городской среды. Эта среда оказывается насыщенной священными местами с историко-коммуникативным значением, что находит свое отражение во внесении реалий городской топографии в пространство иконы. Все это свидетельствует о том, что именно в это время происходит активное развертывание культурного процесса, справедливо названного «конкретизацией символического мышления»⁷⁶. Именно в это время соборность Церкви в городе как ее метафизическое свойство начинает в полной мере увязываться с ее вполне материальной соборной организацией.

В целом развитие соборной организации древнерусского города хорошо соответствует известному феномену постепенного замещения функционального значения литургических действий и объектов их символическим восприятием в условиях, когда их происхождение и изначальная функция начинают стираться в исторической памяти. Этот основополагающий принцип развития культурных форм был выработан и апробирован в первой половине XX в. представителями петербургской церковно-археологической и литургической школы в лице А. А. Дмитриевского, А. И. Карабинова, А. И. Яцимирского и Н. Д. Успенского. Сегодня при изучении христианской культуры схожие принципы независимо применяются различными школами мировой искусствоведческой науки, в частности, С. Бойд⁷⁷.

⁷⁵ Баталов А. Л. Московское каменное зодчество конца XVI века, с. 288, 299–302.

⁷⁶ Баталов А. Л. Московское каменное зодчество конца XVI века, с. 299.

⁷⁷ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. № 267. Л. 6; Яцимирский А. И. К вопросу о назначении так называемых «кратиров» Софийского новгородского собора / Труды Новго-

Все это свидетельствует, на наш взгляд, о сложении законченных форм иеротопического сознания («конкретизации символического мышления») накануне Нового времени. Вместе с тем, есть смысл различать собственно феномен иеротопии и иеротопическое (символическое) мышление. Иеротопия городского пространства предстает перед нами как мера соотношения в городской топографии сакрального и социального, спонтанного и сознательного, которая вырабатывается в результате развития урбанистической среды, но не задается изначально. Иеротопия зачастую не была осмыслена современниками, особенно на начальных этапах своего сложения. Ее можно распознать в процессе аналитического исследования, подчиненного особой методологии, основанной на выявлении регулярности пространственно-сакральных связей. Иеротопическое осмысление городской среды не столько предшествует этому феномену, сколько складывается в процессе его создания и развития, окончательно закрепляясь после потери им своей первоначальной функциональности. В результате происходит определенное осмысление уже сложившейся топосферы, а затем и сознательное конструирование иеротопических пространств по заданным образцам и искусственным схемам. Такой процесс более характерен для эпохи развитого спекулятивного мышления в христианском богословии. Это подтверждается, на наш взгляд, как практическим отсутствием современных нарративных источников, так и фактом исторической нежизнеспособности идеальных городских образований. В целом иеротопия позволяет не только определить особенности общественного менталитета своего времени. При корректном использовании метода исторической ретроспекции выявленные иеротопические структуры становятся надежным историческим источником, позволяющим реконструировать исторические процессы, приведшие к их образованию. Главной характеристикой иеротопии, в отличие от сакральной топографии, складывающейся в значительной мере стихийно, является, на наш взгляд, осознанное привнесение в городскую среду сакральных пространственных связей и поиск для них соответствующих архетипов.

родского церковно-археологического общества. Новгород, 1914. Т. 1, с. 73–76; Boyd S. A. Art in the service of the liturgy: Byzantine silver plate // *Heaven on earth: art and the Church in Byzantium* / Ed. by Linda Safran. The Pennsylvania State University Press, 1998, p. 163.

Alexandr Mousin

Research Institute of Archeology, Saint-Petersburg

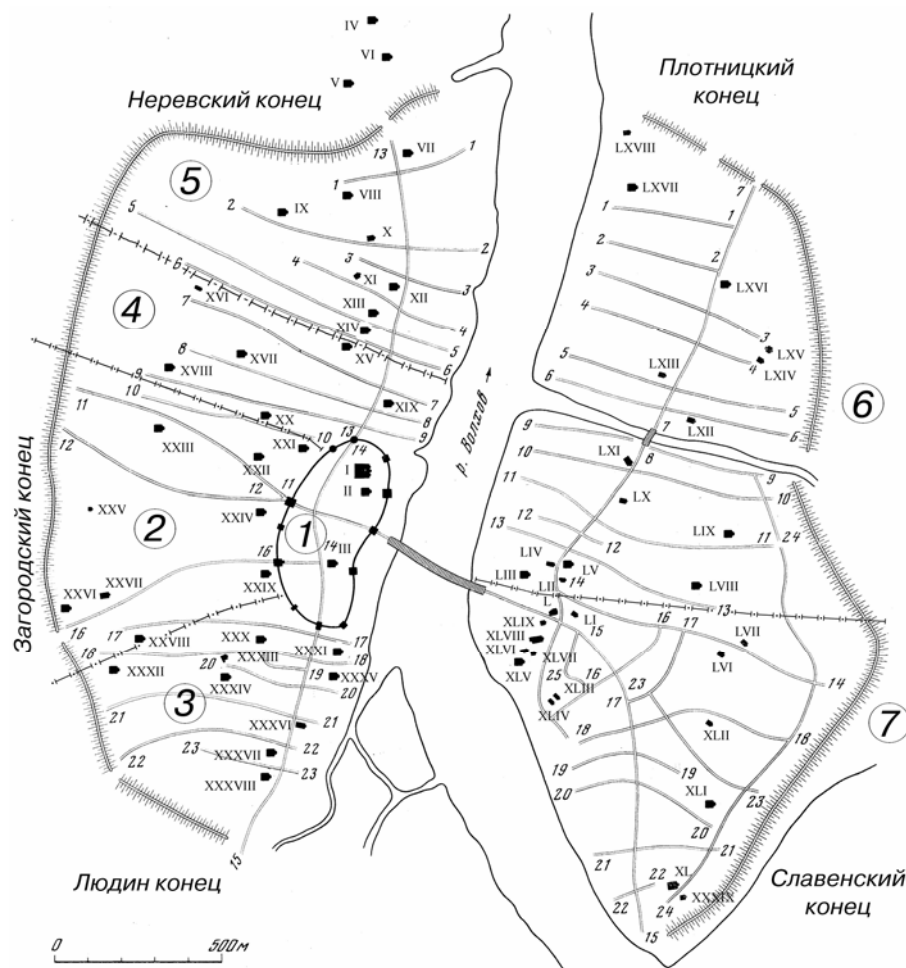
ECCLESIASTICAL DISTRICTS OF MEDIEVAL RUSSIAN CITIES:
FROM THE SOCIAL TOPOGRAPHY TO THE HIEROTOPY

The present article discusses the problem of the origin, development and social, symbolical and liturgical meaning of the ecclesiastical districts of some medieval Russian towns such as Novgorod, Pskov and Moscow in a large historical and cultural context of Christian Mediterranean World. The number of the regions reaching in some cases seven and its Old Russian native name — “sobor” that means “council” as a hierarchical meeting and a spiritual unity, provoke sometimes among the scholars the connotations with the symbolical meaning of the number of the Ecumenical Councils, the Holy Sacraments, the gifts of Holy Spirit or more frequently the seven pillars of the house of Divine Wisdom, mentioned in the Bible. In any case, this “seven-council” system of a medieval city was thought of as artificial, man-made construction based on the speculative theology that forms the symbolical vision of urban space.

The new research, by necessity transversal and multidiscipline clearly show that the city regions under investigation developed gradually and shaped themselves on the socio-historical base of town which formed at the same time the urban administrative boundaries. The districts that served the purposes of the church administration were composed from the parish’s churches and formed around the main cathedrals inasmuch as the homogeneous structure of the urban community had been shaped on the juridical and social level. The Russian medieval “sobory” can not be regarded as direct borrowing of the ecclesiastical organization of Byzantines cities. In Constantinople, where 14 *regiones* were artificial, they rapidly lost their social significance and we have no evidences of its influence on the urban life of the Church. In Rome the ancient regions had not any visible connections with the *tituli* and their basilicas that were linked to the primary social organization of primitive Church. In any case, the “sobory” in Russia were a creative development of some common basic principles of the canon law and social structure of ecclesiastical life in the local conditions that demonstrate several phasic features.

In Novgorod 7 sobors-districts corresponding to 7 urban political centers were created simultaneously as part of the administrative reform of archbishop Alexei around the 1362 AD. In Pskov 6 sobors formed during the 1356–1472 AD as a result of the increase of the urban territory. At the mid-16th century social and political changes caused the collapse of the “sobory” system of the Northern Russian cities. In the same time as a result of the

concretization of symbolical mind the “seven-sobory” system received the a special theological meaning: new seven liturgical districts were created in the 1551 AD in Moscow and the number of Novgorod’s districts, previously destroyed, was deliberately completed until seven during the 1620th. This phenomena of the sacralization of Russians medieval town’s space was also reflected in Russians icons dated from the 16th–17th centuries which represented the historical urban topography (of Novgorod, Pskov, Mosow, Tver, Murom and others), included in the sacred space of icons. This information, showing the sacred spatial connections took deep roots in the collective mind of the epoch, testifies to the definitive forming of the urban hierotopization no earlier than the late mediaeval period. In the preceding time, even if attempts were made to create sacred space according to the symbolical archetypes, they were not accepted by the cultural milieu.

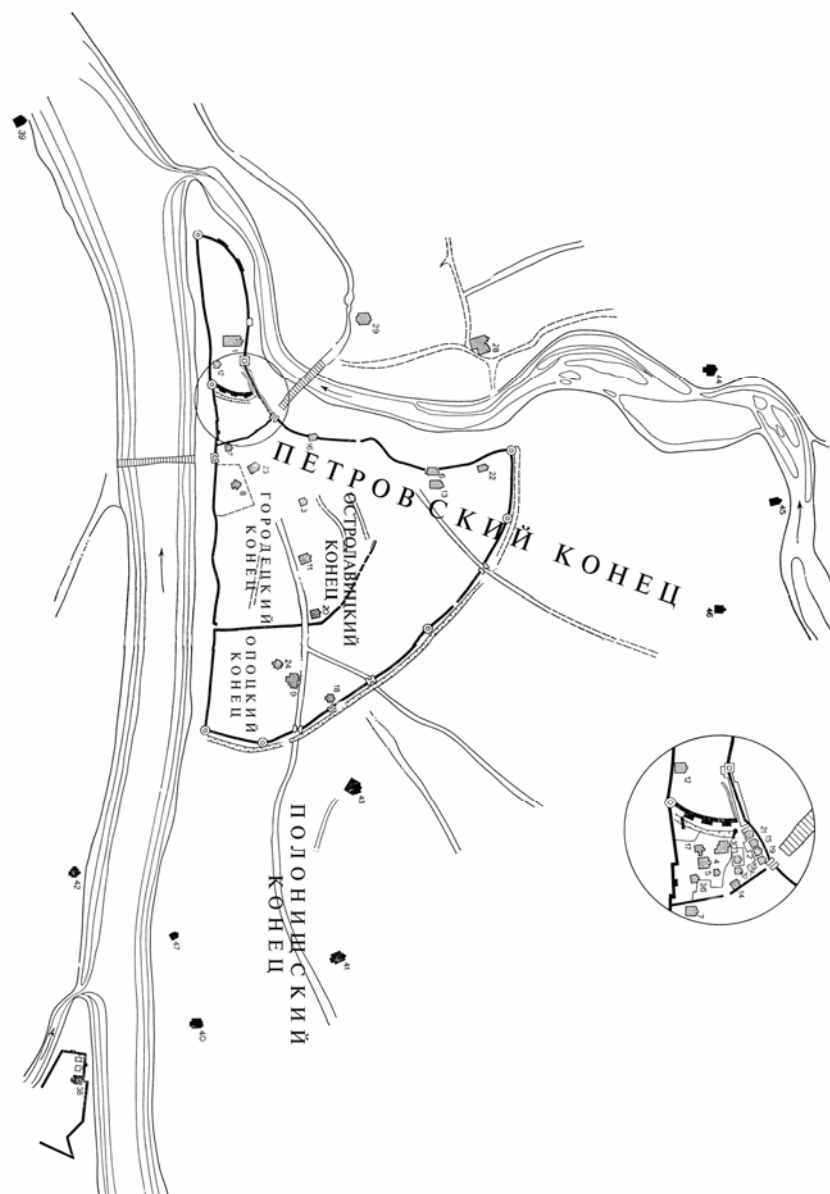

1. Схема расположения храмов Великого Новгорода XV–XVII вв. по 7 соборным округам.

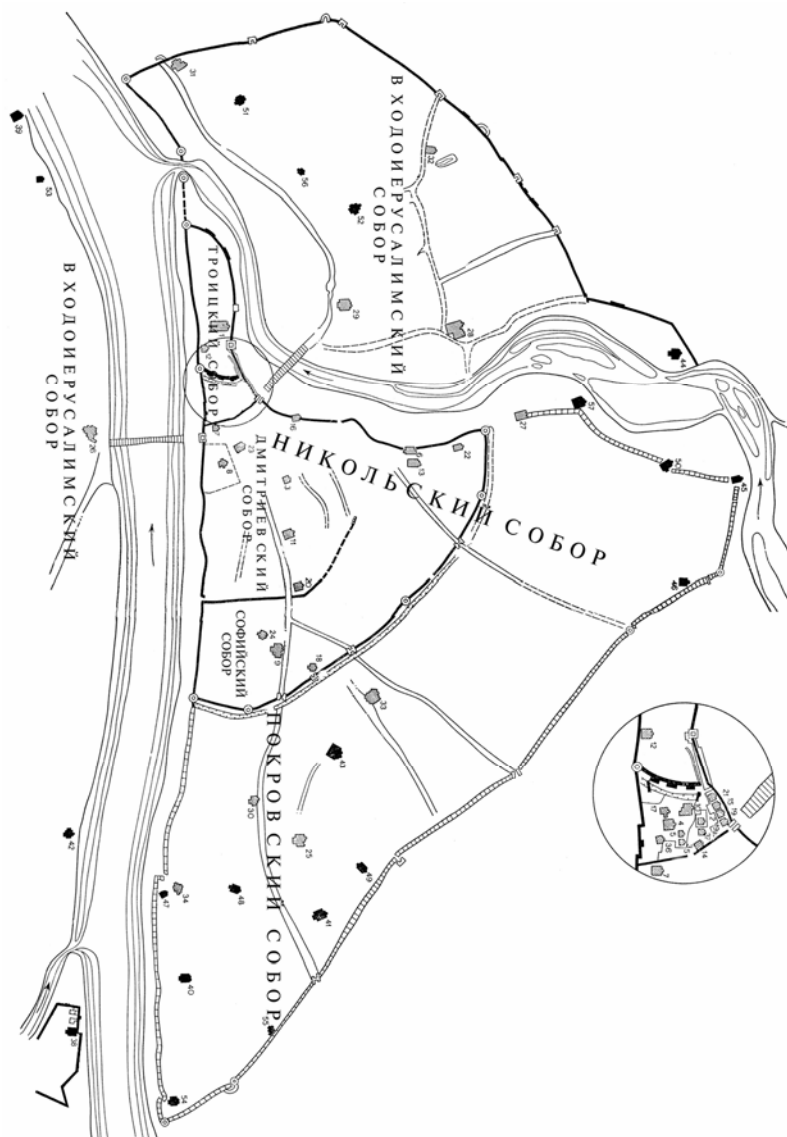
Соборные округа: I — Софийский соборный округ, II — Михаило-Архангельский соборный округ, III — Власиевский соборный округ, IV — Четыредесятский соборный округ, V — Яковлевский соборный округ, VI — Иоанно-Предтеченский соборный округ, VII — Успенский соборный округ.

Храмы: I — Софийский собор, II — церковь Входа Господня в Иерусалим, III — церковь Свв. князей Бориса и Глеба, IV — Зверин Покровский монастырь, V — церковь Свв. апп. Петра и Павла в Кожевниках, VI — Лазорев монастырь, VII — церковь Вмч. Дмитрия Солунского на Даньславле улице, VIII — церковь Вмч. Мины на Даньславлей улице, IX — церковь Свт. Николая на Яковли улице, X — церковь Св. ап. Иакова на Яковли улице, XI — церковь Свв. мчч. Козмы и Дамиана на Холопей улице, XII — церковь Вмч. Георгия на Боркове улице, XIII — церковь Прп. Саввы на Козмодемьяне улице, XIV — церковь Свв. мчч. Козмы и Дамиана на

- Козмодемьянской улице, XV — церковь Преображения Господня на Розважи улице, XVI — церковь Вмч. Феодора Стратилата на Щерковой улице, XVII — церковь Свв. Константина и Елены на Яневой улице, XVIII — Иоанно-Предтеченский монастырь на Ростокиной улице, XIX — собор Сорока мучеников Севастийских на Щеркове улице, XX — церковь Свв. Константина и Елены на Ростокиной улице, XXI — церковь Архангела Гавриила на Фревкове улице, XXII — церковь Свв. Фрола и Лавра на Легоще улице, XXIII — церковь Св. Симеона Столпника на Чудинцевей улице, XXIV — церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи на Чудинцеве улице, XXV — церковь Двенадцати апостолов на Пропостех, XXVI — церковь Вознесения Господня на Прусской улице, XXVII — Михаило-Архангельский собор на Прусской улице, XXVIII — церковь Св. ап. Иакова на Добрыни улице, XXIX — церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы на Прусской улице, XXX — церковь свт. Василия Кесарийского на Ярышewe улице, XXXI — церковь Спаса Нерукотворенного Образа на Добрыни улице, XXXII — церковь Рождества Божией Матери Десятинного монастыря, XXXIII — церковь Свщмч. Власия на Волосове улице, XXXIV — Варваринский монастырь на Черничиной улице, XXXV — церковь Свт. Василия Парийского на Новинке, XXXVI — церковь Святой Троицы на Редятине улице, XXXVII — церковь Воздвижения Креста Господня на Воздвиженской улице, XXXVIII — церковь Св. ап. Луки на Лукинской улице, XXXIX — церковь Свв. апп. Петра и Павла на Славне, XL — церковь Св. пророка Илии на Славне, XLI — Павловский монастырь на Вареской улице, XLII — церковь Св. ап. Филиппа на Нутной улице, XLIII — церковь Благовещения Пресвятой Богородицы на Михайловской улице, XLIV — церковь Михаила Архангела на Торгу, XLV — церковь Святых Отцов 7 Вселенского собора на Князем Дворе, XLVI — церковь Свв. Жен мироносиц на Дворище, XLVII — церковь Св. вмч. Прокопия на Дворище, XLVIII — церковь Свт. Николая на Дворище, XLIX — церковь св. вмч. Параскевы Пятница на Торгу, L — Успенский собор на Козьей бородке на Торгу, LI — церковь Иоанна Ишкова у Немецкого Двора, LII — церковь Вмч. Георгия на Торгу, LIII — церковь Свв. князей Бориса и Глеба на Погребнице, LIV — собор Рождества св. Иоанна Предтечи на Опоках, LV — церковь Св. вмч. Дмитрия на Лубянице, LVI — церковь Знамения Матери Божией на Ильине улице, LVII — церковь Преображения Господня на Ильине улице, LVIII — церковь Св. ап. Луки на Лубянице, LIX — церковь Св. вмч. Евпатия на Рогатице, LX — церковь Вмч. Дмитрия на Славкове улице, LXI — церковь Свщмч. Климента на Иворове улице, LXII — церковь Вмч. Феодора Стратилата на Федорове улице, LXIII — церковь Свщмч. Никиты на Никитиной улице, LXIV — церковь Собора Божией Матери на Михалице, LXV — Рождества Богородицы монастырь на Михалице, LXVI — церковь Св. ап. Андрея на Щитной улице, LXVII — Евфимиевский монастырь в Плотницком конце, LXVIII — церковь Свв. князей Бориса и Глеба на Конюхове улице.
- Улицы Софийской стороны: 1 — Даньславля, 2 — Яковлева, 3 — Боркова, 4 — Холопья, 5 — Козмодемьянская, 6 — Розважа, 7 — Щеркова, 8 — Янева, 9 — Ростокина, 10 — Хревкова, 11 — Легоща, 12 — Чудинцева, 13 — Великая, 14 — Пискупля, 15 — Пробойная, 16 — Пруская, 17 — Добрыня, 18 — Волосова, 19 — Ярышева, 20 — Черница, 21 — Редятина, 22 — Воздвиженская, 23 — Лукинская улица.
- Улицы Торговой стороны: 1 — Конюхова, 2 — Щитная, 3 — Молотковская, 4 — Маницина, 5 — Никитская, 6 — Федорова, 7 — Плотенская Пробойная, 8 — Пробойная, 9 — Коржева, 10 — Славкова, 11 — Рогатица, 12 — Буяна, 13 — Лубяница, 14 — Ильина, 15 — Славная, 16 — Витков переулок, 17 — Дубошин переулок, 18 — Нутная, 19 — Варецкая, 20 — Воскресенская, 21 — Киривановская, 22 — Кончанская, 23 — Бардова, 24 — Загородская, 25 — Михайлова улица.

2. Расположение городских концов средневекового Пскова

3. Схема расположения храмов во Пскове в соответствии с соборным устройством города после 1472 г.

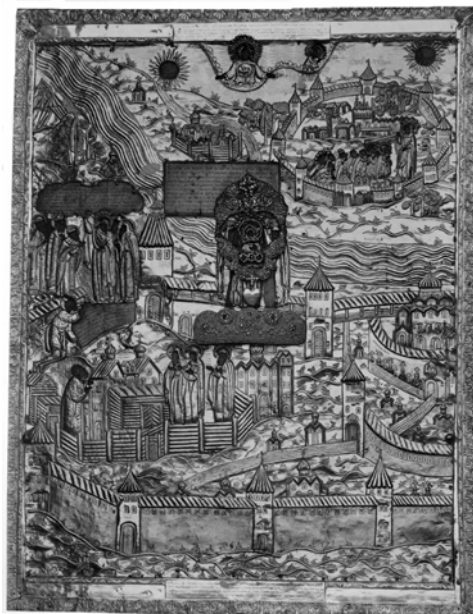
Церкви приходские и монастырских подворий: 1 — Троицы, 2 — Дмитрия в Довмантовой стене, 3 — Георгия на Болоте, 4 или 10 — Воскресения Иисуса Христа в Довмантовой стене, 5 — Феодора Стратилата, 6 — Петра и Павла, 7 — Власия в Торгу, 8 — Воздвижения Честного креста на Княжи дворе, 9 — Николы на Воссе в Опоцком конце, 10 или 21 — Николы над Греблею, 11 — Михаила и Гавриила Архангела, 12 — Благовещения Богородицы, 13 — Бориса и Глеба, 14 (4, 10 — ?) — возможно, Софии, 15 или 19 — Покрова Богородицы в

Довмантове стене, 16 — Иоанна Богослова на Снетогорском дворе, 17 — Кирилла у Смердя моста над Греблею, 18 — Василия на Горке, 19 или 19а — Сошествия св. Духа в Довмантове стене, 20 — Преображения Господня у Старого костра, 21 или 15 — Рождества Христова в Довмантовой стене, 22 — Богоявления, 23 — Спаса на Торгу, 24 — мученицы Варвары на Усохе в Опоцком конце, 25 — Похвалы Богородицы на Романове горке, 26 — Успения Богородицы на Завеличье, 27 — Богоявления в Бродах, 28 — Богоявления на Запсковье, 29 — Козмы и Дамиана на Запсковье, 30 — Воскресения на Полонище, 31 — Варлаама Хутынского на Званице на Запсковье, 32 — Образа Иисуса Христа на Запсковье у Жабьей лавицы, 33 — Анастасии на Полонище на Кузнецкой улице, 34 — Георгия на Взвозе, 35 — Алексея в Довмантове стене, 36 — возможно, Входа Господня в Иерусалим, 37 — не атрибуируется

Монастыри: 38 — Спаса над Мiroжею рекою, 39 — Иоанна за рекой на Завеличье, 40 — Пантелеймона на Красном дворе, 41 — Старое Вознесение, 42 — Климента, 43 — Новое Вознесение, 44 — Козмы и Дамиана на Гремячей горе, 45 — Николы в Песках, 46 — Михаила, 47 — Николы на Взвозе, 48 — Успения Богородицы, 49 — Трех святителей на Болоте, 50 — Благовещения Богородицы, 51 — Воскресения на Запсковье, 52 — Ильи на Запсковье, 53 — Ильи на Завеличьи, 54 — Покрова Богородицы на Полонище у Великой реки, 55 — Козмы и Дамиана в Утопленниках, 56 — Спас Надолбин, 57 — св. Параскевы Пятницы

4. Икона «Видение пономаря Тарасия» с изображением Новгорода. ГТГ № 14966; середина XVI в.

5. Икона «Видение старцу Досифею» с изображением Пскова. Фотография Компарда, конец XIX в., фотоархив ИИМК РАН О-595/9 П-99970

6. Икона «Богородица Псков-Покровская» с изображением Пскова из Псково-Печерского монастыря, фотография К. Романова 1923–1925 гг. фотоархив ИИМК РАН Q-1697/7, П-48941

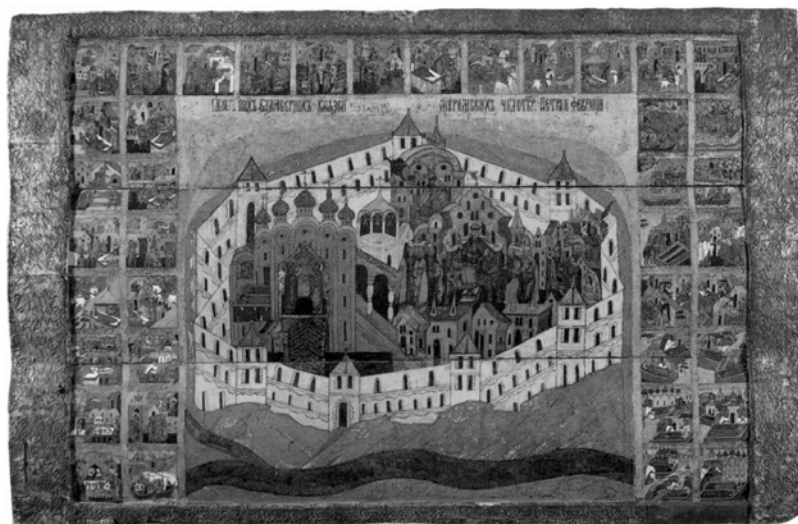
7. Икона «Богородица Псков-Покровская» с изображением Пскова, третья четверть XVIII в., ПГОИХАМЗ, № 936

8. Икона «Сретение Богородицы 1784 г. из часовни Владычного креста» с изображением Пскова, ПГОИХАМЗ

9. Икона святителя Арсения и князя Михаила с изображением Тверского кремля, XVII в., ТОКГ № Ж-860

10. Икона свв. Петра и Февронии в житии с изображением Муром, конец XVI в. — начало XVII в., Муромский музей, № М-6608/В-22305